2. Идти дальше!

Автору этих строк, как члену жюри фестиваля «Дальневосточная весна», довелось познакомиться с работой Уссурийского театра и его спектаклями еще в прошлом году. Надо откровенно признаться, что многое в этих спектаклях не могло тогда удовлетворить.

Прошел год, и многое здесь изменилось к лучшему. Как видно, коллектив понял, что столбовая дорога подъема театра — это, прежде всего, советский репертуар. В предыдущей статье о театре говорилось об одной из серьезных работ коллектива в этом направлении. А вот последняя премьера — спектакль «Таня» по пьесе талантливого советского драматурга А. Арбузова.

Арбузов умеет раскрыть душу советского человека со всей сложной гаммой переживаний, со всем богатством мыслей и чувств, показать замечательные приметы нового, коммунистического мира. Быть может, именно поэтому «Таня» вот уже более двух десятков лет не сходит со сцены театров, оставаясь одной из любимейших пьес советского зрителя. И пусть события, которые происходят в пьесе, относятся к тридцатым годам, — она глубоко современна, ибо ставит один из главных вопросов нашей жизни — воспитание человека нового, социалистического общества. Идеальный замысел пьесы был верно понят режиссером постановщиком «Тани», ныне исполняющим обязанности главного режиссера театра Э. Д. Корсаковым.

Перед взором зрителей прохо-

дит сложная жизнь советской женщины. Начинает она спектакль юной, веселой, жизнерадостной, всецело отдавшейся своей любви к мужу, ставшей тенью своего любимого. В конце спектакля Таня — передовой человек своего времени, врач, смелый и отважный борец за здоровье людей. Она обретает счастье — крепкое, нерушимое. Оно — в гармоничном единении личного и общественного.

Умно написана пьеса. Умно она и поставлена в театре. Постановщик нашел поэтическое, правильное сценическое решение спектакля. Театр как бы перебирает календарь, листки которого отсчитывают этапы жизни Тани, удачно пользуется средствами контраста. Веселая вечеринка и тоска, которая гложет Таню, ее неудовлетворенность жизнью. Интимная сцена обеда Тани и Германа и тревога, которая зреет в обоих и которую они скрывают друг от друга. Остроумно решена сцена объяснения в любви юных Гриценко и Оли и смерть Таниного ребенка. Все это хорошо скомпоновано, целеустремленно.

Спектакль богат и интересными мизансценами, полными поэтических ассоциаций, много в нем выразительных сценических приспособлений, деталей. У театра появилось то, чего не заметно было в прошлом году — свое отношение к драматургическому материалу, поиски своего решения пьесы. У него есть, что сказать зрителю, и он хочет это сказать.

Однако груз недостатков прошлого у театра, как видно, еще

очень велик. Смотришь спектакль, и все время досадует на пристрастие режиссуры к мелодраматическим эффектам, разрушающим иллюзию достоверности событий и человеческих характеров — недостаток, отмечавшийся, кстати, и в предыдущих заметках.

...Умер сын Тани, бабушка выходит из комнаты, в которой произошло это несчастье, — но нет, она не просто выходит, она «несет символ смерти» — тяжелым шагом, с лицом, изображающим мировую скорбь, с поднятой рукой. И это вместо показа большого человеческого горя.

Нередко в спектакле нарушается естественный ход действия. Оно как бы останавливается, и начинается «игра в переживания». И снова от этого нарушается иллюзия правды жизни.

Вообще, как нам кажется, в режиссуре Э. Корсакова есть тот избыток фантазии, который превращает подчас это полезное качество в свою противоположность, в фантазию ради фантазии. И вот актеры почему-то перестают сидеть на стульях, а стараются во что бы то ни стало сесть на стол, ради остроумной мизансцены насильственно передергивается содержание и тому подобное.

Ошибки и беды прошлого тяготеют и над многими актерами. Так, лучшей актерской работой в спектакле является, по-нашему, образ Тани, созданный артисткой А. Гончаровой. Очень хорошо, что она сумела показать свою героиню в движении и на глазах у зрителей творит ее биографию.

Метаморфозы, которые происходят с Таней, актрисой очень убедительно мотивированы. Даже в первой сцене, когда Таня безмерно счастлива в своей любви к Герману, у нее вдруг появляются признаки неудовлетворенности, беспокойства. Она еще не дает себе отчета в этих сомнениях, но они есть; потом в новом качестве они проявятся в тяжкие дни, когда рухнет счастье ее семьи. Это — приметы той воли, того упорства, которые обеспечат ее возрождение. Убедительно выглядит актриса в отношениях с партнерами, подчеркивая этим, что возвращение Тани к счастью зависит не только от ее личных качеств, но и от общественного окружения, от влияния и помощи друзей, товарищей по работе.

И та же Гончарова нет-нет да попадает в стихию мелодраматизма, начинает безотчетно отдаваться переживаниям, специально вызывать жалость у зрителя. Да, к сожалению, в актерских работах уссурийцев еще часто чувства героев приходят независимо от действия, и вместо подлинных переживаний возникает изображение их, представление, ремесленнический штамп. Это особенно видно в работе артиста А. Королевского, играющего Германа. И именно поэтому его Герман становится неприятным, неглубоким, неумным. Он лишен главного, за что его полюбила Таня и любит Мария Шаманова, — таланта. Артист стремится казаться то взыскательным, то огорченным, то страдающим, но ему не веришь. А это придает, в конце концов, ущербность всему спектаклю: нарушаются правильные взаимоотношения действующих лиц.

Просчеты Королевского свойст-

венны и исполнителям других ролей. Лишено какого-либо сквозного действия воплощение образа Алексея Ивановича Игнатова артистом Н. Бесединым. Артист играет то любовь, то горе, то радость... А ведь они не живут сами собой, а проявляются в результате каких-то событий, обстоятельств. Этой-то внутренней мотивировки у артиста как раз и нет.

Избавиться от такой беды хоть трудно, но необходимо. А что возможности к этому есть, свидетельствует ряд актерских работ в спектакле. Кроме Гончаровой, очень органично и убедительно действуют на сцене А. Кузьменко (Дуся), Б. Казинский (Гриценко), Л. Храпко (Оля), В. Пономарева (хозяйка зимовья) и другие. При отмеченных уже недостатках З. Ворончихина в целом очень тепло, убедительно играет бабушку. Е. Доброхотова (Шаманова) также могла бы создать полноценный образ, если бы преодолела штампы «сугубо положительной» героини.

Наш современник — советский человек обладает такими душевными богатствами, что сотворение образа героя нашего времени на сцене требует самого высокого мастерства, самого совершенного владения всеми средствами сценического искусства. Значит, товарищам уссурийцам, как впрочем и всем нам — деятелям искусства, надо повышать требовательность к себе, непрестанно учиться, не удовлетворяться найденным, достигнутым. Спектакль «Таня» свидетельствует, что Уссурийский театр в целом встал на этот путь. Но это только начало.

В. ВЕНИАМИНОВ,
режиссер краевого
драматического театра
имени М. Горького.